

Дарья Донцова

Хорошие манеры Соловья-разбойника

Следствие ведет детектив **Евлампия Романова**

Дарья Аркадьевна Донцова
Хорошие манеры
Соловья-разбойника
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 51
Серия «Иронический
детектив (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66296362

Хорошие манеры Соловья-разбойника / Дарья Донцова: Эксмо; Москва;

2021

ISBN 978-5-04-158249-4

Аннотация

В детективное агентство Макса Вульфа пришла скрипачка Алла Федина. Едва скрывая волнение, она призналась, что очень боится за свою жизнь, потому что ее пытаются отравить.

Оказывается, после концерта Фединой за кулисами вручили торт. Так получилось, что им полакомилась уборщица и... мгновенно умерла. И вот что интересно: тортик передала молодая женщина, которая представилась дочерью Веры Арамакиной – многолетней фанатки, верной поклонницы Фединой. Но почему

же Вера сама не принесла сладкое своему кумиру? А потому что недавно скончалась...

Испуганная скрипачка умоляет Макса и Евлампию найти эту девушку. И выяснить: а была ли вообще дочь у Арамакиной?

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	30
Глава шестая	37
Глава седьмая	43
Глава восьмая	50
Глава девятая	55
Глава десятая	63
Глава одиннадцатая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Дарья Аркадьевна Донцова

Хорошие манеры

Соловья-разбойника

© Донцова Д.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Если женщина решила осчастливить мужчину, то ему спасения нет, поймает и осчастливит.

Я вздохнула и положила трубку на тумбочку. Макс улетел в командировку, Киса заснула, мопсики уютно устроились на моей кровати, на часах полночь. А ведь я хотела сегодня мирно почитать, перед тем как упасть в объятия Морфея, но не удалось, позвонила Рита Глебова. Когда на экране телефона высветилось имя приятельницы, я испытала очень острое желание выключить мобильный. Почему? Маргарита всегда жаждет пообщаться со мной, когда у нее закончились деньги или очередной гражданский муж, забыв попрощаться, спешно ретировался из ее апартаментов. Если у Риты все в порядке, она про меня забывает, с днем рождения, Новым годом и прочими праздниками не поздравляет. Что нас связывает? Тот, кто давно знаком со мной, знает мою биографию: я окончила консерваторию, некоторое время играла на арфе в оркестре, а потом жизнь сделала крутой вираж и закинула третьесортную музыкантшу в дом ее однофамилицы Екатерины¹.

С тех пор я навсегда забыла про арфу, через несколько лет вышла замуж за Максима Вульфа и стала работать в его де-

---

¹ См. книгу Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника».

тективном агентстве. Одновременно с мужем я обрела мальчика Егора и девочку Арину, которую все называют Кисой. Дома у нас живут две мопсихи: Фира с темной шерстью, поэтому мы зовем ее «черный лебедь», и Муся бежевого окраса. А в начале зимы я нашла на улице черного кота британской породы. Хотя глагол «нашла» не совсем уместен. Дело обстояло так. Мне понадобилось забежать в супермаркет. От нашего дома до него рукой подать, надо только пройти по переулку, пересечь проспект, и все. Я добралась до шоссе и остановилась на тротуаре, ждала, когда на светофоре зажжется зеленый свет. И тут одна из машин, что неслись по дороге, притормозила, открылась задняя пассажирская дверь, из салона выкинули, как мне показалось, тряпку, и автомобиль укатил. Я вгляделась в неподвижно лежащую тряпку и ахнула. Это же кошка! Времени на размышления не было, бедное животное могло погибнуть под колесами других машин. Я бросилась на проезжую часть, схватила бедолагу и, забыв про покупку продуктов, кинулась в ветеринарную клинику. Слава богу, она находится в паре шагов от места, где кто-то решил избавиться от мурлыки.

Врач осмотрел кошку и заявил:

– Перед нами кот британской породы. Возраст могу назвать примерно, по моему мнению, ему лет пять. Зовут – Альберт Кузьмич.

Последние слова доктора меня удивили.

– Как вы узнали его имя?

– Он мне его сообщил, – без тени улыбки сказал ветеринар.

– Говорящий кот? – робко уточнила я. – Но во время осмотра я не покидала кабинет и не слышала ничего.

«Айболит» показал полоску из кожи.

– Похоже, у Альберта Кузьмича есть любящие и не бедные хозяева. У британца ошейник, его определенно сделали на заказ из качественных материалов, не забыли про мягкую подкладку и стразами выложили имя «Альберт Кузьмич».

– Бедолагу вышвырнули из автомобиля, – напомнила я, – какая уж тут любовь?

– Бывают разные ситуации, – вздохнул доктор, – как-то мне принесли для усыпления годовалого веселого щенка. Женщина, которая сопровождала его, лет эдак шестидесяти, объяснила свое решение убить здорового йорка: «Невестка, дура, завела эту пакость. Сын ей в рот смотрит, во всем с ней соглашается. Со мной, однако, посоветоваться забыли. Теперь в гости к своему мальчику я редко хожу! Отвратительная шавка гадит в квартире, и у меня аллергия на шерсть. Из-за собаки я лишена ежедневного ужина с любимым сыном. И нечего на меня так смотреть, я поступаю гуманно, обеспечиваю кобелю спокойную смерть. Откажетесь делать укол? Тогда я выброшу урод на улицу!»

– И как вы поступили? – спросила я.

– Забрал щенка себе, – улыбнулся «Айболит». – Где два пса живут, там и третьему место отыщется. Отличный песик

вырос. Кстати, на смерть его привезли в дорогой попоне, ботинках и с дорогим ошейником.

– Вы не рассказали невестке о том, что задумала ее свекровь? – удивилась я. – Не вернули щенка владелице?

Ветеринар погладил кота.

– Мы не спрашиваем у людей паспорта, заводим карточку, там указано имя хозяина, кличка животного, телефон и e-mail для связи. Та посетительница сообщила, что ее зовут... как-то вроде Елена Петрова или Екатерина Кузнецова. После ее ухода я набрал номер, который она дала, там ответили: «Торговый центр». Как найти тех, у кого отобрали йорка? Никак. Сначала я горел желанием отыскать сына жестокой особы. Потом понял: если щенок вернется домой, то ведьма своего добьется. Или отравит йоркширского терьера, или выкинет его на помойку. Поэтому я забрал его себе. Возможно, с котом, которого выкинули из машины, случилась похожая история. Кто-то в семье его обожал, а кто-то ненавидел. Не ищите водителя машины, ничего хорошего из этой затеи не получится. Кота решили убить, поэтому и вышвырнули на шоссе. Я могу пристроить его в приют. Он молод, красив, породист, имеет прекрасный шанс обрести семью, где его все будут любить. Подчеркиваю: все.

– Спасибо, – сказала я, – у нас как раз такая семья. Альберт Кузьмич сейчас отправится вместе со мной домой. И вы правы, не стоит искать тех, с кем он прежде жил.

Первую неделю кот сторонился Макса, Кисы и ее няни,

Розы Леопольдовны Краузе, а если кто-то забежал к нам в гости, он быстро испарялся. Где Альберт Кузьмич прятался, я так и не узнала. Зато с мопсами у найденыша с первой минуты знакомства установились прекрасные отношения. Когда я впервые внесла британца в квартиру, Фира и Муся выбежали в прихожую. Меня охватил испуг.

– Стойте, девочки.

В ту же секунду кот вывернулся из моих рук, спрыгнул на пол и, громко урча, пошел к мопсихам. Возможно, прежде он жил с собаками и любил их.

Макс, Киса и Роза Леопольдовна пришли в восторг при виде нового члена семьи. А тот оказался прекрасно воспитан. Кот без проблем пользуется своим туалетом, очень аккуратно ест, не царапается, не рвет обувь, занавески, мебель, точит когти только о специальную подставку, а спит всегда рядом со мной.

– Может, Альберт заколдованный принц? – предположил Макс, глядя, как британец когтями подбирает со скатерти крошки и отправляет их в рот.

– Наверное, его зовут иначе, – сказала Краузе, – на ошейнике скорее всего указано имя хозяина котика.

– Необычно, однако, выкладывать свое имя-отчество стразами на ошейнике кота, – возразил Макс, – мы же не написали у Фиры и Муси – Максим и Лампа. И странно, что нет телефонного номера, обычно его указывают на случай побега или потери животного.

Сейчас на дворе март, кота я подобрала в конце января². Альберт Кузьмич обжился, привык к нам и стал руководить мопсихами и Розой Леопольдовной. Остается лишь удивляться, кому мог не понравиться британец с прекрасным характером.

Я посмотрела на свой телефон, который продолжал упорно звонить, и сдалась, взяла трубку.

– Ну, наконец-то! – закричала Маргарита. – Где тебя носит? Помнишь Аллу Федину?

Я напрягла память.

– Нет!

– Как? Она же твоя коллега, – возмутилась Глебова.

– У Макса в агентстве работает много людей, – ответила я, – возможно, госпожа Федина детектив, но мы с ней не сталкивались. Я помогаю только Костину. Он первый заместитель Макса и одновременно руководит одной из групп расследования.

– Аллуська такой фигней, как ты, не занимается, она с тобой в одном оркестре играла, – уточнила Рита. – Ты, Лампа, щипала арфу, а Федина скрипочку пилила. Ну? Вспомнила?

В первую секунду я хотела объяснить, что в симфоническом оркестре, где я чувствовала себя рабой на галере музыки, было несколько составов. Можно проработать не один год в первом и никогда не познакомиться с кем-то из второго

---

² В книге Дарьи Донцовой «Вещие сны Храпунцель», которая вышла в феврале, уже упомянут кот Альберт Кузьмич, но история его появления не рассказана.

состава. Репетиции проходили в разное время, на концертах и гастролях мы тоже не пересекались. Но потом я сообразила, если честно отвечу: «Даже не представляю, кто такая Алла Федина», то Глебова начнет долго и с мельчайшими подробностями излагать ее биографию. Поэтому я безо всякого стеснения солгала:

– Ах, Алла? Скрипачка? Конечно, знаю, о ком ты говоришь.

– Вот и отличненько, – обрадовалась Маргарита, – она сейчас к вам в офис едет. Помоги своей лучшей подруге. Надеюсь, денег с нее не возьмешь. Это я ей посоветовала к тебе обратиться.

Глава вторая

– Уж извините, – сказала рыжеволосая женщина в зеленом платье, – Ефросинья, вы меня скорей всего не помните.

– Простите, нет, – честно ответила я.

– Почему Ефросинья? – удивился Николай, наш компьютерных дел мастер. – Романова же Евлампия.

Щеки Аллы вспыхнули огнем.

– Мы давно не виделись, вот я и перепутала имя.

– Нет, нет, – я поспешила успокоить смущенную скрипачку, – когда мы играли в одном оркестре, в моем паспорте было указано имя Ефросинья. Евлампией я стала позже.

– Рита пообещала, что вы сможете мне помочь, – сказала Алла, – в полицию я пойти не могу. Боюсь, что семья узнает, что я обратилась в отделение. Это самое ужасное, что может случиться. А частные детективы требуют больших денег за свои услуги! У меня таких нет!

Я внимательно посмотрела на посетительницу. На ней красивое платье от «Шанель», элегантные сапожки и сумочка той же фирмы прилагаются. Сейчас большинство так называемых экспертов моды пишет в интернете: «Тотальный лук от дорогой фирмы – полная безвкусица. Миксуйте одежду масс-маркет с обувью от известных брендов и будете в тренде». Уж не знаю, чем вызваны такие заявления. Простой завистью этих самых критиков, самопровозглашенных гуру

моды? Вероятно, у них нет возможности купить сразу столько дорогих вещей. И почему кто-то навязывает мне свое мнение по поводу моей одежды? Я ношу то, что хочу.

Я еще раз оглядела скрипачку. Судя по стрижке и цвету волос, по ее наряду и аксессуарам, Федину никак нельзя отнести к разряду бедных женщин. Хотя встречаются очень богатые дамы, которые заламывают руки в магазине, возмущаются ценой бутылки кефира. Скардность никак не связана с материальным достатком. Я знаю бабушек, которые живут на одну пенсию, но каждый месяц отправляют в фонд «Милосердие» сто-двести рублей какому-нибудь больному ребенку на лечение. Встречались мне и миллиардеры, которые ездят на метро, потому что покупка любой, даже самой простой, машины кажется им огромным расходом, а фонду «Милосердие» от них ничего не перепадает.

Алла поймала мой взгляд и заговорила:

– Нет, нет, нет! Я не бедствую. У меня обеспеченная жизнь. Но семью содержит мой супруг Олег Иванович, он успешный бизнесмен. Муж щедрый человек. И я, и дочка никогда ни в чем не нуждались. Не подумайте, что перед вами лентяйка. Я даю концерты, играю на разных мероприятиях, но теперь это не работа, а хобби, повод выйти в люди. Гонорар я трачу на подарки членам семьи, на расширение своей коллекции. Я собираю тематический фарфор. Но моих доходов не хватит на оплату труда сыщиков. Конечно, я могу попросить у мужа любую сумму. Но он поинтересуется: за-

чем мне деньги? Олег не контролирует меня, ему просто интересно, что со мной происходит. Несмотря на долгие годы брака, мы не потеряли радость общения друг с другом. Рита пообещала, что вы, Евлампия, поможете мне бесплатно.

— Ну... — пробормотала я, — люди, которых вы видите в офисе, получают зарплату. Маргарита сильно преувеличивает мою роль в агентстве, я рядовой сотрудник.

— Глебова объяснила, что ее соседка замужем за владельцем детективного бюро, — добавила Федина, — у вас есть программа для тех, кто попал в беду, но не может полностью оплатить счет.

— Верно, — согласился Костин, — милосердная помощь оказывается, как правило, больным людям, многодетным семьям, инвалидам, самым незащищенным группам населения. Если случилась беда и вы не можете рассказать о ней мужу, то введите нас в курс дела. Мы обязательно придумаем, как вам помочь.

Федина опустила голову.

— Не хочу отнимать средства у обездоленных. Выпишите счет, а я, с вашего позволения, оплачу его частями. Не собиралась садиться вам на шею, просто мне нужна рассрочка. Извините. Я очень нервничаю. Впервые нахожусь в офисе у сыщиков. Я... я... я... Мне трудно вываливать перед вами свои личные переживания. Даже муж не всегда знает, что у меня в душе клокочет. Зачем всем сообщать, что у тебя плохое настроение?

Алла закрыла лицо ладонью.

— У меня дурацкая манера вести беседу. И дочь, и Олег сердятся: «Говори что хочешь просто и прямо! Не ходи вокруг да около». Но я не умею. Сначала намекаю, затем даю задний ход. Трудно со мной! Моя мама, она...

Федина махнула рукой:

— Вы не психотерапевты. Вам заморочки посетителей неинтересны.

— А вот тут вы ошибаетесь, — оживился наш психолог Константин Львович Энтин, — переживания тех, кто к нам обращается, требуют внимания. Ваша мать, вероятно, воспитывала вас одна. Ни отца, ни бабушки у вас не было. Вы ходили в детский сад на пятидневку, в школе — на продленку, из которой вас забирали домой последней. Мать постоянно твердила: «Замолчи, не грузи меня своими проблемами, я устала на работе». Когда вам нужна была какая-то обновка, родительница закатывала истерику: «Опять ботинки нужны? Господи, за что мне это? Почему ты постоянно растешь?» Если вы заболели, мать заламывала руки: «Придется брать бюллетень! Меня уволят! Ужас! Мы умрем с голоду». Вы жалели мамочку, поэтому не говорили ей о своих обидах, горестях, о том, как к вам относятся одноклассники. У вас нет привычки просить помощи, и она не появится, потому что в детстве была задушена мамашей. Вам трудно открыться перед кем-либо. Но ни один, даже самый гениальный детектив в мире не сможет помочь человеку, если не выяснит, что с

ним произошло.

– Как вы про мою маму узнали? – испугалась Алла. – Кто вам рассказал? Мать давно скончалась. Она меня очень любила, гордилась, что меня отобрали учиться в музыкальную школу. Ну да, она постоянно нервничала, но ее можно понять, она воспитывала меня одна.

– Давайте сначала вы объясните, что привело вас к нам, – предложил Энтин, – а потом, если не устанете и не будете стеснены во времени, мы сядем с вами вдвоем в укромном уголке нашего офиса и пошушукаемся, займемся тем, что моя бабушка называла: «погрызть друг другу уши».

Федина рассмеялась.

– Погрызть друг другу уши! Никогда не слышала это выражение.

– Конечно, это изобретение моей бабули, – объяснил Константин Львович.

Глава третья

– Мне придется начать издалека, – предупредила Федина, – иначе вы не поймете, что меня испугало.

– Хоть от Адама, – сказал Энтин, – я до пятницы совершенно свободен. А вы, Лампа?

Я уже поняла, что наш психолог хочет раскрепостить Федину, поэтому ответила:

– Сами знаете, что я стрекоза-егоза. Могу хоть три дня подряд Аллу слушать, мне спешить некуда.

Федина улыбнулась.

– Ну, это слишком, я быстро управлюсь.

– Отлично, – обрадовался Костин, – сейчас нам принесут чай, кофе, водку, коньяк, ром, лимонад, зефир в виде черепов...

Алла расхохоталась.

– Вы такие забавные. Никогда не видела сладости, которые имитируют черепа.

– Правда? – подключился к глупой беседе Николаша. – Они очень вкусные. А еще их можно жарить на костре, получается что-то вроде тянучки. В Москве есть магазин «Страшно и сладко», там они продаются.

– Впервые о нем слышу, – искренне удивился Костин.

У меня звякнул телефон, прилетело сообщение от Энтина: «Лампа, спросите у Аллы про тату».

– У вас интересный рисунок на руке, – тут же выполнила я просьбу психолога, – только я не понимаю: это иероглиф или какая-то картинка? Выглядит так, словно ее давно сделали.

Федина посмотрела на свое запястье.

– Вы правы. Этому тату немало лет.

– Ого! – воскликнул Константин Львович. – Сейчас украшать свою кожу рисунками модно. А в советское время на обладателя татушки косо смотрели. «Наколки», так в те времена называли татуировки, делали в основном зэки. Ну, еще моряки могли набить изображение якоря на руке, футбольно-хоккейные фанаты наносили на тело названия любимых команд. Но если копнуть глубже, обратиться к дореволюционным временам, то известно, что многие представители российской аристократии после того, как побывали в Японии, вернулись оттуда с драконами на коже. Николай Второй и его младший брат, великий князь Михаил Романов, тоже обзавелись такой красотой, но женщины тату не делали. Не один десяток лет назад девушке, для того чтобы сделать тату, требовалось мужество, наплевательское отношение к мнению других людей, принадлежность к хиппи или к неформальным группировкам музыкантов, художников, писателей.

Алла потупилась.

– В молодости я влюбилась в одного человека. У нас с ним был горячий роман. Мой кавалер набил на запястье одну из букв санскрита. В знак ответного чувства я поступила так же.

– Так что у вас стряслось? – перешел к нужной теме Костин.

Федина начала рассказ:

– Мой супруг, Олег Иванович Барабанов, в советские годы работал на заводе, где выпускали майонез, консервы, супы в пакетиках. Да, да, задолго до появления в наших магазинах лапши быстрого приготовления в СССР пользовались популярностью банки с гречневой кашей, сдобренной мясной подливкой, фасоль в томатном соусе, цыпленок с зеленым горошком. Эти не самые дешевые продукты предпочитали туристы, дачники, одинокие мужчины. Сетевых кафе, дешевых ресторанов, закусочных – всего этого в Советском Союзе было мало, и цены там кусались. Народ питался дома. Майонез был всегда дефицитом, а соусы: «Шашлычный», «Южный», «Любительский», – в магазинах расхватывали мгновенно. Иногда на прилавки выкидывали кетчуп из Болгарии, за ним люди давились в очереди. И с импортной подливкой даже отварная картошка казалась гастрономически неизбалованным людям невероятно вкусной. После перестройки Олег сообразил, что соусы понадобятся и в новые времена. Через пару лет супруг стал владельцем большого предприятия и продолжил заниматься делом, которое успел освоить в советские времена. Сейчас мой муж успешный бизнесмен. Я свою фамилию не меняла, боялась, что потрачу много времени на оформление новых документов.

Алла вдруг умолкла, а потом продолжила:

– Я старше Евлампии, думаю, лет на десять, может, и больше.

Энтин тут же сделал Фединой комплимент:

– Вы прекрасно выглядите.

– У меня прекрасная генетика, – улыбнулась Алла, – плюс занятия фитнесом, разумная диета, контрастный душ каждое утро и спокойная жизнь. Муж взял на себя все заботы по обеспечению семьи. Мы никогда не жили впроголодь. Олег еще в советское время преуспел. Про «цеховиков» слышали? Из разных колхозов супругу доставлялись овощи и фрукты. Олег производил дефицитного товара больше, чем предписывалось планом. Излишки отправлялись к проверенным директорам продмагов. Прибыль потом делилась. Я не стояла над корытом, у нас была домработница. Известие о беременности не ввергло в ужас ни мужа, ни меня. Фраз: «Как это могло случиться? Иди живо на аборт, нам ребенок не по карману», – Олег никогда не произносил. Мы радовались, что станем родителями. Увы, у меня случились преждевременные роды. Сейчас выхаживают ребеночка, даже если он полкило весит. Наша малышка появилась на свет чуть меньше килограмма и умерла через день.

Дверь открылась, появилась секретарша Надя, она расставила на столе чашки, чайник и нехитрое офисное угощение. При виде девушки Алла замолчала, говорить она продолжила после того, как Надежда ушла.

– Вскоре после кончины дочки к мужу обратилась пред-

ставительница благотворительной организации, попросила помочь оборудовать игровую комнату для детей с ДЦП. Олег поехал в интернат, я отправилась с ним. Приют находился в области, в городке Кокошино. Двухэтажный дом, приятные директриса и воспитательницы. На дворе стояли девяностые, в стране был дефицит всего. Но дети оказались ухоженными, накормленными, видно было, что их любят, о них заботятся. Роднило их одно: все брошены родителями. Была группа сирот с ДЦП, вот для них и требовалась особая игровая комната.

Мы все с директрисой обсудили, Олег пообещал дать денег, собрались уезжать, вышли в коридор, и вдруг! Подбегает ко мне девчушка:

– Тетя, покажи свою руку!

За ней примчалась воспитательница:

– Анечка, успокойся.

Но девочка меня за ладонь схватила:

– Мама, я тебя ждала! Тетя Таня предупредила: «Приедет женщина со знаком на руке». Это ты! Забери меня домой!

Глава четвертая

Федина скрестила руки на груди.

– И что было делать? Малышка ко мне прижалась, снизу вверх смотрит, спрашивает: «Мамочка, я сейчас с тобой домой поеду?» Понимаете мое состояние? Я недавно похоронила доченьку, и тут такое приключение. Олег около ребенка присел: «Анечка, кто такая тетя Таня?» Девочка в мою юбку уткнулась и заплакала. Уехать при таких обстоятельствах было невозможно. Мы вернулись в кабинет заведующей. Аня в мою ладонь так вцепилась, что потом остались синяки. Директриса девочку не прогнала, мне стало понятно, что она на самом деле любит своих воспитанников. Муж ласково спросил:

– Анечка, пожалуйста, объясни, почему ты считаешь тетю Аллу своей мамой?

– Потому что она моя мама, – ответил ребенок.

– Прекрасно, – улыбнулся Олег, – но разве хорошо, когда гостей не угощают? Думаю, тебе надо организовать нам чаек.

Аня бросилась к воспитательнице:

– Полина Сергеевна, меня на кухню не пустят.

Женщина оказалась умной, сразу сообразила, что благотворитель хочет поговорить с директрисой и с ней без ребенка. Полина взяла девочку, увела ее, но очень быстро вернулась. Анфиса, так вроде звали директора, только начала рас-

сказ.

Алла смущенно улыбнулась.

– Я плохо запоминаю обычные имена: Наташа, Лена, Ира. Вот имя Ефросинья навсегда у меня в голове останется. Еще лучше, если встречаю тезку кого-то из родных. Полиной Сергеевной звали мою любимую учительницу. Ох, опять я уклонилась в сторону от темы. Пожалуйста, не разрешайте мне это делать, останавливайте.

Федина сделала глоток из чашки.

– Заведующая поведала нам печальную историю. Анечка попала в детдом недавно. Там она сообщила, что ее отец умер, когда она только родилась; мать, эстрадная певица, работала в каком-то вокально-инструментальном ансамбле. Такая работа предполагает постоянные гастроли. Многие отпрыски артистов полны обиды на родителей, которые оставляли их с бабушками и няньками. Конечно, детям хочется каждый день видеть маму. Они не понимают, что она зарабатывает на жизнь. И уж совсем странно, когда, став взрослыми, отпрыски звезд приходят в телестудию и на всю страну жалуются на невнимание матери. Анечка же никогда не сердилась на маму. Она ее очень любила, несмотря на то что никогда не видела. Девочка жила с тетей Таней, сестрой матери, молодой и веселой. Иногда по утрам Аня находила у кровати подарки: куклу, плюшевого мишку, красивое платье, туфли.

– Это мама тебе прислала, – объясняла тетя.

Анечке очень хотелось увидеть маму, но та много работала, все никак в Москву не возвращалась. А потом Татьяна заболела, ей стали делать уколы. Спустя некоторое время домой приехали женщины и увезли с собой Аню. Тетя Таня обняла ее, поцеловала и объяснила:

– Меня отправят в больницу, но я непременно поправлюсь. Ты пока поживешь в хорошем доме, там много детей, игрушек, вкусно кормят. За тобой обязательно приедет мама. Ты ее узнаешь по примете: на руке у нее, на внутренней стороне запястья, будет картинка.

Алла прервала рассказ и почему-то посмотрела на меня.

– Вам же понятно, что директриса передала нам рассказ маленькой Ани. На самом деле все было не так. Анна дочь Татьяны Павловны, которую девочка считала своей теткой. Никакой певички и в помине не было. Почему же мать столь странно себя вела? Ответ в датах рождения. Мать Ани скончалась в возрасте двадцати трех лет от тяжелой болезни, которая проявила себя внезапно и агрессивно. Аню отправили в приют, ей только-только исполнилось шесть. Сейчас ей за двадцать. Но она наивна, как в детстве.

– Таня рано стала матерью, – быстро подсчитал Кузя, – бытует мнение, что до массового распространения интернета, до того, как компьютеры стали общедоступными и появились соцсети, российские школьники о сексе ничего не знали и уж тем более им не занимались.

– Глупости, – отмахнулся Константин Львович, – даже в

советские времена, когда пропаганду половой жизни не вели, девочек, которые, не успев окончить десять классов, становились мамами, было предостаточно. Их было даже больше, чем сегодня, потому что тогда никто не объяснял детям, как избежать беременности, и не было эффективных противозачаточных средств. Как предохранялись советские люди? В продаже было изделие номер два, так стыдливо называли презерватив. К слову сказать, изделием номер один именовали клизму. Гормональные таблетки, когда они появились, отпускали строго по рецептам врачей, спирали ставили исключительно по направлению гинеколога. И все вышеперечисленные средства без скандала могли получить замужние женщины, которые уже имели детей или были вынуждены предохраняться по медицинским показаниям. Девочка-подросток не могла приобрести пилюли, купить презерватив в аптеке мальчик тоже не мог. Во-первых, ему было стыдно, во-вторых, тетка за прилавком мигом начинала кричать:

– Что ты задумал, бесстыдник? Тебе сколько лет? Ты что, женился?

Малолетнюю беременную дочь родители прятали, отправляли куда подальше к родственникам в другие города или деревни. Новорожденного оставляли в роддоме. Но чаще всего, когда у несовершеннолетней мамочки начинались роды, в квартиру тайно проскальзывала акушерка. Она же потом уносила младенца, а девочке говорили:

– Ребенок умер.

Алла переменила позу.

– Никаких подробностей про Татьяну Павловну мы с мужем выяснять не стали. Нас интересовало только одно: есть ли у Ани какая-то родня, которая может появиться после того, как мы ее удочерим. На наше счастье, выяснилось, что Татьяна была одинокой, ее родители умерли за год до кончины дочери. После смерти отца и матери Таня обменяла свою квартиру на такую же в другом районе и перебралась жить на новое место. Мы удочерили Анечку. Я очень боялась, что девочка в подростковом возрасте взбрыкнет, сбежит из дома, поведет себя неадекватно, начнет грубить: «Не делайте мне замечаний, вы неродные». Но этого не случилось. Анечка, наоборот, стала еще ласковее с нами, бросалась мне на шею со словами: «Я твоя и папина дочка. Посмотри, как мы похожи». И это правда.

Алла вынула из сумки портмоне, открыла его и показала нам фото.

– Смотрите. Вот Анюточка!

– Очень милая девушка, – похвалила я. – А что за молодой человек рядом с ней? Жених?

– Нет, – отрезала Алла, – рано ей о свадьбе думать, пусть с нами живет. По паспорту ей за двадцать, а по уму десять.

– А я подумал, что молодой человек на фото ваш сын, – протянул Энтин.

– У меня нет сына! – ответила Алла. – Роман племянник со стороны мужа.

– Вы с Анной просто одно лицо, – констатировал Костин.

– Уж простите за откровенность, госпожа Федина, но ваша внешность не уникальна, – сказал Миша. – Вы средне-статистическая российская женщина. И особых примет, например родинок, у вас нет.

– Миша, – остановила я эксперта, – Алла красивая дама.

– Конечно, – кивнул Вуколов, – аккуратный нос, большие глаза, рот хорошей формы, высокий лоб. Но таких теток в метро вагоны!

– Михаил! – воскликнула я.

– Дорогая Евлампия, не сердитесь на коллегу, – улыбнулась Федина, – он говорит правду. Я прекрасно знаю, что не выделяюсь из толпы. И Анечка такая же, у нее мои пищевые пристрастия и привычки. Если я решила съесть эскимо, то сначала снимаю глазурь, оставляю ее на тарелке, ем молочную часть и лишь потом шоколадную. Аня поступает так же. Я не люблю лежать в ванне, предпочитаю душ, туфли на высоких каблуках – для меня были мукой всегда, даже в юности. Телевизор раздражает, я предпочитаю книги. Анечка ведет себя так же, как я.

Я кашлянула.

– Алла, если опираться на то, что вы сказали, тогда я тоже ваша дочка. Эскимо ем, как вы. Мое отношение к купанию в ванне, к каблукам и телевизору совпадает с вашим.

– Когда-то американцы провели эксперимент, – оживился Энтин, – они подложили котенка к щенкам. Собака выкор-

мила и обучила детенышей. Маленький кот вел себя точь-в-точь, как все его молочные братья: играл, ел, дрался, кусался, как они, не мяукал, издавал звуки, напоминающие лай. Интересный случай зафиксирован сотрудниками зоопарка в Сухуми. Там к зеленым обезьянкам подселили новенькую, красную. Хозяйки вольера возмутились, начали бить соседку. А та... позеленела. И мартышки стали с ней дружить.

– Забавно, – рассмеялась гостья, – значит, мы с Аней, как те животные. Только у нас не было периода агрессии.

– Так что привело вас к нам? – повторил Костин уже заданный им вопрос.

Глава пятая

– Некоторое время назад у меня состоялся концерт в клубе «ОРС», – продолжила гостя. – Там хороший звук, публика, которая любит и понимает музыку. Не первый раз я там выступала. И всегда положительные эмоции получала. Вернулась домой, как всегда, с цветами.

Алла улыбнулась.

– Многие слушатели хотят сделать приятное исполнителю. У большинства музыкантов есть группы преданных поклонников. Я не яркая звезда на музыкальном небосклоне, но есть несколько человек, которые стараются посещать все мои московские концерты. Их немного. Самая преданная среди них Вера Ивановна Арамакина, она, похоже, обеспеченная дама, может в Питер приехать или, например, в Нижний Новгород. Не проблема для нее и в Екатеринбург слетать. А уж Москва вообще без вопросов. Вера появилась в моей жизни не так давно. Но сразу стала моей яркой поклонницей. Люди как поступают? Выступление завершено, я выхожу на поклон, народ кидает на сцену букеты. Честно говоря, их в нынешние времена немного, цветы дороги. И я не люблю срезанные растения, но не говорить же об этом вслух? Вера же всегда вручала розы мне прямо в руки, потом ждала меня у служебного входа на улице, просила сделать фото. Естественно, я ей не отказывала. Как-то раз в ноябре после

концерта я слегка задержалась. Выхожу на улицу, снег, холод, ветер до костей пробирает, Вера стоит у двери, дрожит, зуб на зуб у нее не попадает. Я чуть не заплакала от жалости и предложила ей:

– Верочка, теперь я всегда буду вас ждать по окончании концерта в моей примерке.

Я предупредила администратора Елену Яковлевну. Мне нетрудно поболтать с поклонницей пару минут. А для Арамакиной это подарок. Потом я завела инстаграм, Вера и в нем была невероятно активна. Оказывается, она давно освоила все соцсети и там рекламирует мои концерты. Как-то раз Вера написала под одним фото, которое я опубликовала:

«Аллочка, какие конфеты вы предпочитаете? Хочется вас порадовать».

Я сначала решила ответить честно: «Сладким не увлекаюсь, коллекционирую фарфор», но вовремя спохватилась. Статуэтки, которые стоят в моих шкафах, дорогое удовольствие. Неприлично сообщать о своем увлечении поклоннице и вгонять ее в большой расход. Но если бы я не ответила, Арамакина все равно бы что-то купила. Поэтому я написала: «Люблю вафельный торт». Он свободно продается повсюду, стоит недорого. И после очередного концерта Вера появилась в моей гримуборной... Угадайте с чем?

– С вафельным тортом, – засмеялся Махонин.

– Точно, – подтвердила Алла, – через день она спросила в соцсети: «Понравился тортик?»

Я ответила:

«Необыкновенно вкусный и свежий».

Вера обрадовалась:

«Я ездила за ним в магазин при фабрике. В следующий раз удивлю вас!»

Алла вздохнула.

– На самом деле торт я не попробовала, отдала его уборщице, она мне всегда чай в гримуборную подавала. Валечка обрадовалась и давай меня благодарить. Возникла традиция. Арамакина дарит мне очередное вафельное сооружение, а я передаю его Валентине. Все довольны и счастливы. Естественно, ни одна живая душа понятия не имела, какова судьба торта. Даже Анечке я правду не открыла, дочка у меня спросила:

– Мама, куда ты деваешь вкуснотень, которую Вера тебе дарит?

Я изумилась:

– Кто тебе рассказал о подношениях Арамакиной?

Девочка развеселилась:

– Я же смотрю твой инстаграм. Видела фото, где вы с фанаткой с тортом стоите.

И правда, я после каждого концерта публикую небольшой отчет. Моя помощница делает снимки и видео зала, кулис. Ну и Вера тут с тортом. Я ей очень благодарна за рекламу моих выступлений и за ее любовь ко мне. Сначала у меня был позыв честно сообщить Анечке о судьбе угощения. Но

я подумала, что девочка может разболтать об этом в сетях. А Вера небось и аккаунты моей дочери просматривает, получится некрасивая история. Поэтому я соврала:

– После концерта я всегда очень есть хочу, поэтому, когда остаюсь в гримерке одна, пью чай с тортом. Очень его люблю.

– Одна съедаешь целый торт? – изумилась Аня.

– Он маленький, – отмахнулась я, – в день концерта я так нервничаю, что до выступления ничего не ем.

Последние слова чистая правда.

Алла провела рукой по волосам.

– Так вот, я уже говорила, что не так давно давала очередной концерт в клубе «ОРС». После выступления посмотрела в зал, а на месте Веры сидит незнакомая девушка! У меня по спине холодок пробежал.

Алла сделала глоток чая.

– Мы с Арамакиной не дружили домами, я ничего не знала о ее семье. Но я так привыкла видеть Веру, что задержалась с поклоном. Потом ушла за кулисы, настроение испортилось. Да, мы не близкие друг другу люди, у меня нет телефона Арамакиной, все наши встречи проходили в гримерке. Но оказалось, что Вера мне близка. В соцсетях она мне в подруги не набивалась. Порой что-то спрашивала. Мне стало тревожно. Что с Арамакиной? Вдруг она заболела и ей нужна помощь? Я решила поговорить с организатором концерта. Вера всегда сидела на одном кресле, определенно ее знают в кассе, оставляют билет на это место. И тут вдруг стук в дверь

и голос из коридора:

– Меня зовут Оля, я дочь Веры Арамакиной. Можно войти?

У меня с души камень упал.

– Да, конечно!

Я так обрадовалась, что даже не удивилась, каким образом Оля попала за кулисы.

Появилась та самая девушка, что сидела в зале, с вафельным тортом, протянула его мне:

– Дорогая Алла, мамочка просила меня приехать и вручить вам от нее подарок.

Я рассыпалась в благодарностях, усадила Ольгу и спросила:

– Верочка заболела? Дайте мне ее телефон, я позвоню, пожелаю ей скорейшего выздоровления.

Оля вздохнула:

– Мама была бы счастлива услышать ваш голос!

Я вынула трубку.

– Прямо сейчас позвоню ей. Диктуйте номер.

– Она умерла, – вздохнула Оля.

Меня словно молотком по голове стукнули.

– Как умерла?

– Инфаркт, – объяснила Ольга, – пока «Скорая» ехала, мама сказала: «Доченька, чует мое сердце, я не выживу. Очень тебя прошу, ходи на концерты в „ОРС“, сиди на моем месте, приноси Аллочке ее любимый торт». Мамочка вас обожа-

ла. Я об этом знала и испытывала огромную благодарность к вам. После смерти папы мама загрустила, совсем унывать стала. Чтобы хоть как-то развлечь ее, я один раз купила ей билет на ваш концерт. И она вас полюбила.

Алла откинулась на спинку кресла.

– Мы недолго говорили. Я взяла у Оли торт. Девушка пообещала ходить на мои выступления, оставила номер своего телефона. После ее ухода я, как обычно, отдала торт Вале. Еще радовалась, что администратора Елены нет, та почему-то всегда злилась на уборщицу.

Федина сгорбилась.

– На днях я опять выступала в «ОРС». Ольги в зале не было. Я не удивилась. Она молодая, наверное, замужем, имеет детей, у нее нет времени постоянно посещать концерты. И Валентины на работе нет. Ни о чем дурном не думая, я спросила у капельдинера, которая вместо нее принесла мне чай:

– Елена Яковлевна, а где Валя? Почему вы на хозяйстве?

– Померла баба, – равнодушно сообщила та.

У меня голова закружилась.

– Она же молодая.

– Полтинник в прошлом году отметила, – уточнила Елена, – не очень-то свежая роза.

Федина открыла сумочку, вынула из нее баллончик и прыснула себе в рот.

– Это гомеопатический антистресс. Нервничаю очень. Я стала расспрашивать Елену Яковлевну, та сообщила, что Ва-

лентине стало плохо после моего прошлого концерта. «ОРС» работает всю ночь. До двадцати двух часов там культурная программа для любителей классической музыки, а днем читают всякие лекции по истории искусства. Но на интеллигентных людях нынче много денег не заработаешь. Поэтому с нуля часов клуб сдает зал, фойе и остальные помещения фирме, которая организует разные вечеринки. Валентина всегда работала в ночную смену с девятнадцати до шести утра. Почему она предпочитала именно это время, даже Елена Яковлевна, главная местная сплетница, не знала. А вот то, что я Вале всегда отдавала вафельный торт, ей, оказывается, было известно. Капельдинер, она же администратор, весьма ехидно заявила:

– Валька была абсолютно нищая, вечно голодная. Буфетчица рассказывала, что она после антракта всегда приходила в кафе. Вроде как паркет протереть. А у самой кулек, она в него складывала то, что зрители на столах оставили. Совсем дура! Думала, что Лариска ее не видит. Фу, объедки дожидала. Ваш торт для Валентины роскошь, она его целиком за один раз в подсобке съедала! И как только кое-что у побирušки не слипалось! Да уж, просто смертельным тортик в последний раз оказался!

Глава шестая

Федина достала из сумочки кружевной носовой платок и стала мять его в руке.

– Мне несвойственно агрессивно реагировать на грубости и глупости, которые я порой слышу от людей. Прекрасно понимаю: всем нравиться невозможно. Если в соцсетях кто-то начинает мне хамить, я просто блокирую скандалиста, в перепалку не вступаю. Зачем спорить с дурно воспитанным человеком? Его не переделаешь, только еще больше гадостей начитаешься и расстроишься. Но я была так шокирована известием о смерти Вали, что отреагировала резко:

– Уж не считаете ли вы, что я угостила уборщицу тортом, который потерял годность и стал причиной ее кончины?

Думаете, Елена смутилась или извинилась? Как бы не так! Рассмеялась мне в лицо:

– Это вы сказали! Что-то все, кто с вами, госпожа Федина, дружить начинает, помирают. Сначала Верка убралась, потом Валька. Пойду-ка я подальше от вас, боюсь, вдруг чем заражусь!

И сбежала. Каково, а?

– Если Елена Яковлевна находилась при исполнении служебных обязанностей, то надо было немедленно сообщить директору клуба о ее неподобающем поведении, – возмутился Михаил, – тот приказал бы грубиянке прийти с повинной.

Или уволил бы ее.

– Я никогда не требую извинений от обслуживающего персонала, если он опустился до хамства, – пожалала плечами Алла, – и не хочу, чтобы человек лишился работы. Во время беседы с Еленой мои мысли были заняты другим. Право, странно, Ольга дарит мне торт, я передаю его, как всегда, Валечке, а она, съев его, умирает. Но торт-то предназначался мне! Дочь Веры понятия не имела, кому потом я отдавала подарки ее матери, а та пребывала в уверенности, что я обожаю вафли.

Алла вытерла платком рот.

– Ясно же, что это просто совпадение. Вера покупала торты в фирменном магазине при фабрике. Их множество разновидностей: с белым, черным шоколадом, орехами всякими, цукатами, сухофруктами. Вера никогда не приносила два раза подряд одно и то же. Если вручала торт с мандариновой отдушкой, то следующим был... ну, например, банановый.

Алла улыбнулась.

– У нас с Арамакиной сложилось нечто вроде па-де-де в балете, где каждое движение рук, ног, головы отработано и неизменно. Вера входила в гримерку со словами:

– Сегодня вы играли волшеббно.

Протягивала мне коробку, я ее брала, восклицала:

– О! Сегодня торт с белым шоколадом. В прошлый раз был с черносливом.

– Вы помните, – радовалась поклонница. – И как вам

предыдущий?

– Объедение, – отвечала я, – хрустящие вафли, нежный крем...

Федина опустила голову.

– Минут пять, максимум десять, такого общения. Но после смерти Веры в моей жизни образовалась пустота. Я вдруг поняла, что она была единственным человеком, который любил меня просто так, потому что я это я, скрипачка, которая дарит Вере музыку. Она не пыталась набиться мне в подруги, ничего не просила. Просто приносила угощение, хотела меня порадовать. Просто так! Понимаете?

– Понимаю. Вы не виноваты в ее смерти, – произнес Энтин.

– Наверное, – прошептала Алла, – да только после разговора с хамкой Еленой в моей душе огромное беспокойство поселилось! Почему? Не знаю. Я позвонила Ольге, хотела узнать, где похоронена ее мама. Решила поехать на кладбище, принести на могилу цветы, сказать: «Дорогая Верочка, спасибо за торт, твоя доченька его мне передала. Без тебя на концертах тоскливо». Потом взять скрипку и сыграть для Веры, в память о ней, «Последнюю розу лета» композитора...

Алла закашлялась.

– Стихотворение ирландского поэта Томаса Мура положило на музыку композитор Джон Стивенсон, – вместо Фединой продолжила я. – Песня пользовалась большой попу-

лярностью не только в Великобритании, но и в Европе. Ее использовал в своей опере «Марта» Фридрих фон Флотов. Вариации на мелодию Стивенсона написали Михаил Глинка, Феликс Мендельсон, Генрих Вильгельм Эрнст. Версия последнего композитора считается наиболее сложной для исполнения.

Алла допила остывший чай.

– Верно. Один раз я исполнила ее в «ОРС», Вера тогда сказала, что это ее любимое произведение. Я позвонила Ольге, ответил женский голос:

– Библиотека.

Пришлось извиниться.

– Простите, я неправильно набрала номер.

– Пустяки, – отреагировали на том конце провода.

Я опять аккуратно набрала цифры и услышала тот же голос:

– Библиотека.

Алла развела руками.

– Я решила, что у девушки на визитке опечатка.

Федина вынула из сумочки карточку.

– Вот, посмотрите. «Ольга Арамакина. Стилист». И телефон, который, как мне сказали, много лет принадлежит районной библиотеке. Странно! Неужели Ольга не заметила, что на визитке ошибка? Я очень хотела найти могилу Веры, поэтому отправилась в Мосгорсправку, заплатила некую сумму и узнала...

Алла всплеснула руками.

– Ольга Арамакина в Москве не живет. Вот Вера с такой фамилией была. Кто тогда ко мне приходил с тортом?

Алла содрогнулась.

– Молодая женщина внезапно умирает. В гримерке появляется девушка, которая выдает себя за дочь Арамакиной! Зачем она это сделала? Ответ напрашивается сам собой: чтобы вручить мне торт. А смысл?

Федина отодвинула в сторону пустую чашку.

– Вафли в шоколаде съела Валентина и внезапно умерла. О том, что я отдаю уборщице торт, знала капельдинер. Уж, наверное, Елена Яковлевна разболтала об этом обслуживающему персоналу. Вера всегда открыто несла упаковку. Валечка не один раз получала торт и была рада. Она не лезла ко мне с вопросами, никогда ничего не просила.

Федина прижала к груди руки.

– Пожалуйста, не считите меня человеком с манией преследования. Я никогда ни малейшего отношения не имела к криминальным структурам. Не брала в долг ни у людей, ни у банков. Не охотилась на чужих мужей. Не подсиживала коллег. Я патологически законопослушна и, уж извините, что нахваливаю себя, порядочна. Но... похоже... кто-то... решил...

Алла замолчала.

– Отравить вас, – договорил за нее Костин.

– Да, – выдохнула Федина.

Володя сказал:

– Ход ваших мыслей понятен. Но давайте рассуждать трезво. Если кто-то, съев торт, скончался, это еще не означает, что в нем был яд. У Валентины могло быть какое-то хроническое заболевание. Или у нее случился инсульт-инфаркт, тромб оторвался. В жизни все иначе, чем в криминальных романах.

– Я люблю книги Смоляковой, – призналась Алла, – дочь при виде очередной новинки рожу корчит. А мне ее детективы нравятся.

– Я тоже поклонница Милады, – приободрила я Федину.

– Если я расскажу Олегу о своих подозрениях, он со смеху умрет, – пролепетала скрипачка, – а я нехорошо себя чувствую. Некомфортно. Пожалуйста, разберитесь, найдите эту Ольгу. Спросите, почему у нее на визитке телефон библиотеки? Правда ли, что она дочь Веры?

Глава седьмая

Войдя домой, я нажала на выключатель, но люстра не за-
жглась. Из коридора в холл с радостным лаем выбежали со-
баки. За ними, подняв хвост трубой, величаво шел Альберт
Кузьмич.

– Здравсти вам, – улыбнулась я. – А почему света нет?

– Сама не знаю. Электричество вырубилось за секунду до
вашего прихода, я как раз собиралась починить его, – стран-
ным голосом произнесла Роза Леопольдовна и убежала.

– У нас отшибло пробки, – весело сообщила Киса.

– Вышибло, – машинально поправила я, вернулась на
лестничную клетку, открыла щиток и щелкнула переключа-
телем.

– Ура, – закричала девочка, – мультики смотреть можно!

– Хорошо, что не произошло ничего серьезного, – сказала
я и пошла мыть руки в свою ванную.

Путь лежал мимо гостевого санузла. Дверь в него поче-
му-то была приоткрыта, я притормозила и повела носом.

Мне от рождения достался нюх охотничьей собаки. Ес-
ли вы не ощущаете в помещении никакого запаха, то я могу
уловить даже самый незначительный аромат. В детстве у ме-
ня была учительница домоводства Сониная Тамара Федоров-
на, очень милая и добрая женщина. Она всегда угощала нас
на уроках своей домашней выпечкой, всем, даже мне, у ко-

торой обе руки были левые, ставила одни пятерки. Под руководством Сониной мы овладевали азами кулинарного искусства и ремесла швеи. Дома меня не подпускали к плите, а если мама видела в моих руках нож, то непременно отнимала его и говорила:

– Даже не приближайся ни к чему острому. Одна непослушная девочка бежала с резакom в руке, упала и осталась без носа.

Историй про «одну непослушную девочку» у мамы была масса. «Одна непослушная девочка» постоянно попадала в страшные неприятности: ей отрезало ноги трамваем, потом автобусом, затем поездом метро. Шалуныа попала под грузовик, а вскоре после этого по ней проехало такси. Бедняга болела воспалением всех органов тела, страдала головной болью, поносом, а все потому, что не хотела есть то, что готовила для нее мама, и не носила в июле месяце валенки и шапку. «Одна непослушная девочка» пошла вечером гулять без взрослых и с ней случилось такое, что и рассказать нельзя. Но самое страшное – это история о том, как безобразница, исчадие ада, в очередной раз наплевав на предостережения взрослых, ехала в метро на эскалаторе и, когда настала пора сойти с него, не убрала руку с поручней. Знаете, что произошло? Ужас! Руку «засосало» в дыру, куда убегает черная полоса, следом туда втянуло и девочку. Ее потом трое суток вытаскивали.

Услышав сказание об «одной непослушной девочке», ко-

торуя бригада ремонтников долго доставала из-под «лесенки-чудесенки», я перепугалась донельзя. И перестала держаться за поручни. Это сподвигло маму на рассказ о падении «одной непослушной девочки» с эскалатора. Понятно, что она получила переломы всех костей и стала лысой. Встаньте на мое место. У семилетней школьницы появился выбор. Или ее «засасывает» на три дня в машинное отделение эскалатора, или она катится кубарем вниз по ступенькам и в ее теле не остается ни одного целого хрящика. Я предпочла второй вариант. Лет в девять в моей голове созрел вопрос. Сколько же ног у этой противной девчонки? Если верить рассказам мамы, то их было минимум десять. И, наверное, хорошо, что восемь из них отрезали из-за безобразий этой идиотки. Теперь она ходит, как все, на двух ногах. Раньше-то на нее небось люди пальцем показывали. Еще через год я перестала воспринимать охотничьи истории матери всерьез. «Одна непослушная девочка» исчезла из маминого репертуара, но появилась ее достойная преемница «одна неразумная девушка». Но я уже только хихикала, слушая, как та попадает в разные дурные компании, дружит с плохими парнями, выходит замуж вопреки советам матери, рождает тройню, не оформив брака. «Одна непослушная девочка» здорово пугала маленькую Лампу, «одна неразумная девушка» только веселила. Но! Даже сейчас, став взрослой, я, стоя на эскалаторе, никогда не держусь за поручни. Конечно, я знаю: втянуть кого-то в машинное отделение невозможно. А вдруг?

Но вернемся к моей способности ощущать запах даже там, где его вроде нет. Подержав носом у двери санузла для гостей, я крикнула:

– Роза Леопольдовна, что-то горит!

Дверь туалета распахнулась, и предо мной предстала Краузе.

– Не волнуйтесь. Это Франчизка!

– Франческа? – повторила я.

– Франчизка, – поправила Краузе, – нет причин для беспокойства. Все хорошо. Просто отлично!

– К нам приехала гостья? – спросила я. – Она пользуется духами под названием «Горящая пластмассовая расческа»?

Няня всплеснула руками.

– Ой, ну вы как скажете, как пошутите! Такого парфюма не существует! И посторонних у нас нет! Это Франчизка. Просто процесс еще не завершен. Аромат не сел!

Я уставилась на Краузе.

– Кто такая Франчизка и где должен сесть отвратительный запах? Если он от смущения забился в сортир, то пусть выйдет и идет на лоджию. Там ему самое место!

Краузе опустила голову.

– Вы же знаете, что произошло в моей жизни.

В ту же секунду мне стало жалко няню.

Краузе замечательная няня и очень хороший человек, она ответственная, аккуратная, честная, не вредная, не жадная, не завистница, не сплетница. И Макс, и Киса, и я без нее

уже жить не сможем. Одна беда, Роза Леопольдовна влюбляется как восьмиклассница. В каждый новый роман наша няня падает, как шаловливый щенок с обрыва в реку. Собачка выплывает на берег и опять бежит на край берега. Ей очень нравятся мгновения полета в воздухе. Это так здорово! Уши хлопают по ветру, хвост трясется, воздух щекочет животик. Правда, потом плюхаешься в реку, а вода холодная. Ну ничего, надо быстренько выскакивать, отряхиваться и повторять полет.

Краузе, как та задорная псинка, с восторгом ныряет в очередные отношения, некоторое время пребывает в эйфории, потом Роза понимает, что опять связалась не с тем человеком и пора вылезать из воды.

Справедливости ради замечу, что у Розы Леопольдовны талант отыскивать редкие мужские экземпляры. Как и многие женщины, она сначала судит о парне по его внешнему виду, а затем очаровывается его сладкими речами. Стандартный портрет кавалера Краузе выглядит так: существо в брюках, прекрасное, как Иван-царевич на сером волке, и сладкоголосое, как Лель. Чтобы наша няня благосклонно посмотрела на представителя противоположного пола, он должен обладать пышной шевелюрой, голубыми глазами, широкими плечами, ростом за метр восемьдесят пять и прекрасно подвешенным языком. Все. Ни место работы, ни материальное положение, ни квартирные условия – ничто из перечисленного Краузе не волнует. Единственное, что она требует от

очередного кавалера, – это ответ на вопросы:

– Ты женат? Есть дети?

Разрушать чужую семью Роза Леопольдовна никогда не станет. Даже если мужчина хорош, как Аполлон, отвешивает заковыристые комплименты, целует следы ее туфель на асфальте, даже в этом случае у него при наличии штампа в паспорте нет шансов залезть в постель и кошелек Краузе. Никакие заверения: «Мы с супругой сто лет не спим вместе, просто никак развод не оформим» на Краузе не действуют. Она спокойно ответит: «Я с женатыми даже в кино не хожу». Полагаете, что Роза за версту чует ложь, понимает, что к ней собирается прибиться альфонс? Нет. Ей жалко незнакомую женщину, няня не хочет стать причиной ее слез. С «чуйкой» у Краузе плохо. Увы, она верит словам, никогда не проверяет то, что сообщил о себе Иван-царевич. Сколько раз ее обманывали? И не сосчитать. В последние годы все романы няни развиваются по одной схеме. К ней в инстаграм в директ пишет красивый донельзя парень: «Ты прекрасна, я хочу с тобой познакомиться».

Краузе заходит в его профиль, видит фото и тут же вступает в отношения. Первую неделю кавалер демонстрирует чудеса щедрости: водит Розу в кино, покупает мороженое, поет о своей любви. Он весел и позитивен. Но потом улыбка исчезает с лучезарного лица. Роза Леопольдовна начинает расспрашивать жениха и узнает, что у него тяжело больны мама, сестра, любимая бабушка, тетя. Нужна огромная сум-

ма на операцию. Думаю, далее рассказывать нет смысла. Потеряв свои накопления, а вместе с ними и очередного Ивана-царевича, Краузе очень огорчается. Но ведь щеночек не способен долго рыдать. Он живо утешается и готов к новым полетам с обрыва в воду.

Глава восьмая

Примерно пять месяцев назад Роза Леопольдовна резко повеселела, покрасила кудри в цвет лепестков нарцисса, купила новое платье и забегала по нашей квартире, напевая.

Я насторожилась и осторожно осведомилась:

– Как его зовут?

Краузе заюлила:

– Вы о ком? Я не собираюсь замуж! Точка.

Макс тоже попытался разведать, что случилось, но потерпел неудачу.

Через несколько месяцев няня спросила:

– Можно я недельку переночую у вас?

– Конечно, – обрадовалась я, – гостевые комнаты свободны, выбирайте любую. А что случилось?

– Сосед сверху забыл закрыть кран в ванной, – объяснила Роза Леопольдовна, – ремонт будет делать.

Прошла одна неделя, вторая, на исходе пятой мы с Максом вдвоем надели на Краузе и потребовали от нее ответа: почему она живет у нас?

Няня разрыдалась и рассказала настолько глупую историю, что нормальному человеку поверить в нее просто невозможно.

Розе Леопольдовне написал... космонавт по имени Сергей Петров. Он был хорош собой, любимый типаж Краузе.

Страсть вспыхнула петардой. Два месяца огонь любви горел синим пламенем. А потом у Сережи случилось несчастье. Его обвинили в пропаже радара, прикрепленного снаружи космического корабля. Понимаете, да? Наверное, зеленые инопланетные человечки незаметно открутили радар и продали его на межгалактическом рынке. Стоит этот прибор миллионы. У Сережи такой суммы нет. Он не просил денег у Краузе, собирался взять кредит. Но банк потребовал показать документы на его квартиру, иначе не выдаст космонавту нужную сумму. И что делать? Начальство велело Сергею купить новый радар, а где ему столько миллионов нарыть? Помочь мужику может только Краузе. Она должна подарить свою двушку Сереже на время. Он продемонстрирует свои владения банку, получит ссуду и вернет жилье Розе назад!

– И вы поверили? – ахнула я.

– Уму непостижимо! – взвился Макс. – Роза, сколько раз ты деньги теряла?

– Он не просил ни рубля, – всхлипнула Краузе, – только двушку на время. На месячишко!

Я молча выслушала ее историю до конца. Надо ли объяснять, что, получив апартаменты в подарок, Сергей испарился, как капля воды с горячей сковородки. Мерзавец предупредил возлюбленную:

– Я отправляюсь в командировку на орбиту, вернусь через месяц и отдам тебе квартиру.

Краузе прождала царевича семьдесят дней, потом поеха-

ла в свою двушку и обнаружила в ней новую хозяйку. Та показала ей договор купли квартиры и велела:

– Больше здесь не показывайтесь.

Вульф только зубами скрипнул и шепнул мне:

– Я разберусь.

Роза Леопольдовна теперь живет у нас. Но ей морально некомфортно, хочется иметь свою норку, поэтому она собралась заняться бизнесом. Франчизкой!

Я вздрогнула. Так. Новая напасть. Мало нам жуликов-альфонсов, так теперь у няни появилась подруга со странным именем.

– Ты вложила деньги в какое-то дело?

– Да, да, да, – обрадовалась Роза Леопольдовна, – в очень выгодное! Одна тысяча приносит сто тысяч прибыли.

Я задержала дыхание, потом выдохнула.

– Познакомь меня с Франческой. Прямо сейчас. Пусть она придет! Немедленно!

– Франчизкой, – опять поправила меня няня, – так она уже здесь.

– Где? – изумилась я, и у меня возникли вопросы.

Краузе привела в дом незнакомую женщину? Не спросила у хозяев разрешения? Этого просто не может быть! Вероятно, дамочка с итальянским именем цыганка-гипнотизерша, она одурманила Розу. Ничем другим поведение няни объяснить невозможно. Но с другой стороны, очень хорошо, что авантюристка здесь. И...

Неожиданная мысль пришла мне в голову.

– Роза, – прошептала я, – она с сумкой?

– Кто? – так же тихо осведомилась Краузе.

– Франческа, – уточнила я, – надо влезть в ее ридикюль и вытащить паспорт. Скорее покажи, где пакостница оставила сумку?

Краузе захихикала:

– Лампа! Франчизка там!

Няня показала на дверь.

– В туалете? – уточнила я.

– Им только гости пользуются, – смутилась Краузе, – но они могут ходить в санузел между гостевыми спальнями. Я бы Франчизку там устроила, чтобы она никому не мешала. Но тот сортир маленький. Она бы в него не влезла! А в этом...

Краузе еще раз показала на дверь.

– Просто отлично поместилась. Будто для нее его сделали.

Я прислонилась к стене. Спокойно, Лампа, не нервничай.

Оцени ситуацию хладнокровно, истерика еще никому не помогала. Ну-ка улыбнись и задай вопрос:

– Франческа будет жить с нами?

– Да, – подтвердила Роза Леопольдовна.

И беседа потекла рекой.

– В сортире? – уточнила я.

– Он ей очень подошел, – ответила няня.

– Она цыганка?

– Кто?

– Франческа!

– Нет! Нет! Француженка.

– Ты ее паспорт видела?

– Да, он у меня в комнате.

Я отлепилась от стены.

– Зови ее сюда!

– Кого?

– Франческу. Пусть выходит.

– Ха-ха. Франчизка не способна передвигаться.

– Она инвалид?

– Нет.

– Почему тогда не ходит?

– У нее ног нет. Лампа, ты такая шутница!

С этими словами Роза Леопольдовна настежь распахнула дверь. Я, затаив дыхание, заглянула в санузел.

Глава девятая

Я увидела стол и какой-то аппарат, отдаленно похожий на скороварку.

– Вот Франчизка, – гордо заявила няня, – это мой замечательный бизнес.

Я чихнула.

– Франческа не человек? Это стол и кастрюля?

– Да, да, – кивнула Роза Леопольдовна, – за пару часов я легко сделаю восемь наборов. Или просто банок с кремами и масками.

Я потрясла головой.

– Ничего не понимаю.

– Этим сейчас все занимаются, бизнес номер один, – зататорила няня, – деньги рекой текут. Надо только покупать составляющие на фирме. Но в интернете на форуме написано, что можно и свои использовать, тогда получится авторский вариант. И незачем об этом тем, кто Франчизку продал, рассказывать. Они могут оштрафовать.

– Кого? – оторопела я.

– Няня договорилась с фирмой, – закричала из коридора Киса, – ей продали кастрюлю и пустые банки. Еще она приобрела пакетики с порошком. Из них нужно готовить кремы, маски, пилинг для лица и тела, а потом продавать все кому хочешь. Главное, чтобы это в скляночки фирменные запихи-

вать. Вся выручка твоя. Фирме только за пакеты с порошком платить надо, и аппарат купить. Он электрический. Я могу готовую массу по баночкам ложкой раскладывать. Нельзя в аппарат что-то свое запихивать, так на фирме предупреждают, а в интернете пишут, что можно! Вот банки придется у них брать!

– Франшиза! – осенило меня.

– Ну да, я все время так и говорила, – сказала няня, – Франчизка. А ты твердила: Франческа.

Я опустилась на унитаз и выдохнула, Роза Леопольдовна тем временем продолжала:

– Я начала с элементарного. Питательный крем для лица, рук, ног, тела всей семьи, подруг и соседей.

Краузе сунула мне под нос открытую банку с массой цвета асфальта.

Я в этот момент делала вдох и чуть не скончалась.

– Фу! Вот он, запах жженой пластмассы!

– Это натуральный крем, – обиделась няня, – те, что с ароматами, отравы! В них химия, а у меня кремы без отдушек. Но я еще завтра поэкспериментирую. Кстати, эту банку уже купили.

– Кто? – удивилась я.

– Рыжая тетка, – ответила Роза, отнимая у меня крем, – мы с ней в лифте познакомились. Я Франчизку в кабину впикивала, ее упаковали вместе с пакетами и складным столом. Все в одну здоровенную коробку. Еле-еле ее до подъезда до-

ташила, и силы закончились. Представляешь, мне посторонний человек помог.

И тут раздался звонок в дверь.

– О! А вот и она! – обрадовалась Краузе. – Первая ласточка моего успешного бизнеса. Киса, держи крем, положи его в пакетик. Отдашь клиентке.

Я не успела издать ни звука, Роза помчалась по коридору, за ней бросились мопсы, Киса и Альберт Кузьмич.

– Еще раз здравствуйте, – заголосила няня, когда стройная женщина лет пятидесяти вошла в прихожую, – вы так здорово выручили меня.

– Право, это ерунда, – смутилась незнакомка, – я просто помогла толкать ящик.

– Не всякая так поступит, – возразила Краузе, – давайте познакомимся. Я Роза, няня Кисы.

– Алина, я тоже работаю с детьми – представилась женщина, – преподаю им немецкий язык.

Я улыбнулась.

– Меня зовут Евлампией, но я предпочитаю имя Лампа.

Киса протянула Алине пакетик:

– Это ваш заказ. Банка с кремом, к ней инструкция. И пробник маски.

– Все из натуральных ингредиентов, – заверила Роза.

– Только что сделано, – запрыгала Киса.

Клиентка вынула кошелек.

– Сколько с меня?

Краузе прищурилась.

– Это подарок!

– Ой, нет, – запротестовала Алина.

– Вы мне помогли, – повторила Роза Леопольдовна, – берите. От всего сердца презент, не обижайте меня.

– Ну... – замямила гостя, – ну... вроде как я его выпросила!

– А вот и нет, – вмешалась в разговор взрослых Киса, – у каждого бизнесмена, когда он делает крем, есть подопытная мышь. Мы любим животных, на них тестировать ничего не станем. А на вас можно, вы же не кролик, не собака, не крыса. Ой, Лампа, ты мне на ногу наступила.

– Прости, это нечаянно, – соврала я и подмигнула девочке.

Но та не сообразила, что я прошу ее замолчать, Киса весело вещала:

– Денег Роза Леопольдовна не возьмет. Но если вы хотите ее отблагодарить, то есть другой способ. Ой, Лампа, ты меня ущипнула за попу.

– Прости, это случайно, – сказала я и выпучила глаза.

Но и это не подействовало. Киса продолжала:

– Расскажите в своих соцсетях о нашей продукции, похвалите кремы.

– Хорошо, – кивнула Алина, – непременно.

У меня зазвонил телефон, это был Махонин. Я быстро ушла в глубь квартиры и спросила:

– Что случилось, Николаша?

– Вот объясни мне, почему женщины всегда задают этот вопрос, – сказал парень.

– Наверное, из-за повышенной тревожности, – предположила я. – Мы договорились встретиться завтра в офисе, вроде все ясно. И вдруг твой звонок!

– Я пытался поговорить с Максом, но у него телефон вне зоны доступа.

– Вульф всегда, когда из командировки возвращается, бежит в фитнес штангу ворочать, – пояснила я, – трубку в шкафчике оставляет, никогда в зал ее не берет.

– Надо, наверное, и мне спортом заняться, – протянул Махонин, – сутками у компов сижу, ходить почти разучился. Слушай, тут вот такая ситуация. Вера Арамакина меняла паспортные данные. И она вовсе не пожилая, ей сорок лет с небольшим было. Имя она оставила прежнее, Вера Ивановна.

– Мне кажется, что Алла называла другое отчество, – пробормотала я, – Петровна, Сергеевна, Николаевна, как-то так. Хотя я могу ошибаться.

– Не помню, что говорила Федина, – отрезал Махонин, – я работаю с документами. От рождения фанатку скрипачки звали Верой Ивановной Марамамакиной. Она дочь Анелии Борисовны Ореховой...

Я подпрыгнула.

– Кого?

– Анелии Борисовны Ореховой, – повторил Николаша, – преподавателя музыкальной школы.

Я опять спросила:

– Кто ее ребенок?

– Ты меня не слушаешь, – рассердился Махонин. – Вера Арамакина до четырнадцати лет носила фамилию Мараммакина. Ее мать Анелия Борисовна Орехова, она преподавала...

– Историю музыки, – перебила его я.

Настал черед Николаши удивляться.

– Ты ее знаешь?

– Когда я только начала учиться в музыкальной школе, там была педагог Анелия Борисовна Орехова, – объяснила я, – злая до оторопи баба. Получить у нее четверку – невозможное дело, она ставила детям или три, или два. Двойку очень охотно и часто. Когда к ней обращались возмущенные родители, говорили: «Наш ребенок достоин пятерки», – эта Баба-Яга отвечала: «На „отлично“ любой предмет знает только Господь Бог, педагоги могут претендовать на четверку. А ваш отпрыск и двойки-то недостоин».

Директор школы всегда был на стороне Ореховой. Если же разъяренная мать показывала Ивану Алексеевичу дневник ученика, в котором стройными рядами стояли пятерки, а двойки только от Анелии, и кричала:

– А ну-ка, посмотрите! Мальчик прилежный ученик, ни по каким другим дисциплинам у него даже четверок нет.

Орехова к нему просто придирается, велела рассказать о рельефе в гробнице Ван Чучжи, она датирована девятьсот двадцать четвертым годом. И давай спрашивать: «Сколько там изображено музыкантов? Танцоров? Кто кроме них еще есть? Исполнители мужчины или женщины?» Вот вы сами ответите? – Директор молча выслушивал ее крики, обещал приструнить Анелию, но та продолжала вести себя по-прежнему.

– Ни фигасе, – перебил меня Николаша, – интернет во времена твоего детства еще не изобрели. Где инфу нарыть? И как вы без компов жили?

– Не поверишь, очень даже здорово, – засмеялась я, – ходили в театр, кино, на концерты. Многие дети уроки делали в районных библиотеках. Там был читальный зал и добрые старушки-сотрудницы. Они всегда советовали нужную литературу. Если же необходимых книг у них не было, то мы отправлялись в Ленинку в юношеский зал. Там стояли лампы с зелеными абажурами, а в каталоге было все! Еще мне там нравились в буфете сосиски с зеленым горошком. А в школе срабатывала взаимовыручка. Ученики рассказывали друг другу, какие вопросы гримза им задавала и как нужно на них отвечать. Она уже умерла, наверное. Когда я поступила в первый класс, ведьма была уже старой.

– Маленькой девочке двадцатипятилетняя мать кажется пожилой, – сказал Махонин.

– Верно, – согласилась я, – а когда взрослеешь, удивля-

ешься: оказывается, мама-то молодая. Подожди! Орехова мать Веры, фанатки Аллы?

– Ну да, я с этого начал, а ты меня перебила и погрузилась в воспоминания, – пробурчал Николай, – ты права. Она умерла.

– А почему ее дочь не Орехова, а Марамамакина? – спросила я.

Глава десятая

– Лампа, ты достойна премии за свой вопрос, – рассмеялся Махонин. – У девочки был отец! Ребенок, как правило, носит его фамилию.

– Отец Веры Иван Марамамакин? – уточнила я.

– Скажем так, этот мужчина записан ее отцом, – сообщил начальник отдела компьютерного поиска, – а уж от кого училка ребенка родила, знала только она сама.

– Стой, стой, – зачастила я, – директора нашей музыкальной школы звали Иван Алексеевич Марамамакин, у него была жена Людмила Павловна, очень милая дама. Она у нас не работала, но часто приходила к мужу. Красивая, хорошо одетая, никакой обожанной советскими дамами «химии» на голове. На фоне педагогов она казалась райской птицей в стае куриц. Но если директор записал Веру как свою дочь, значит, он ее отец. Ну и ну!

– Тебя удивляет факт измены мужа супруге? – осведомился Махонин.

– Нет, – возразила я, – во все времена есть люди, которые не хранят верность партнеру по браку. Но Иван Алексеевич глава школы, скорей всего он был коммунистом. Поход «налево» мог спровоцировать развод с женой и, как следствие, развал семьи, потерю руководящей должности. В СССР строго соблюдали так называемый моральный кодекс

строителя коммунизма. Пошарь в интернете, думаю, он там есть. Когда кого-то из граждан СССР собирались отправить в составе делегации в соцстрану, кандидатуры тех, кто поедет, всегда обсуждали на парткоме. Если выяснялось, что один из предполагаемых делегатов замечен в адюльтере, секретарь партийной организации заявлял:

– Сегодня он жене изменил, а завтра Родину продаст.

И вычеркивал фамилию сластолюбца из списка. Это правило распространялось как на мужчин, так и на женщин. Поэтому любовники старательно скрывали свои отношения, не хотели неприятностей ни дома, ни на работе. Иногда правда выплывала наружу, и тогда возникала война местного масштаба. Изменников могли побить их вторые половины, порой пары разъезжались, жена отправлялась к своей матери, или муж сбегал на дачу. Но посторонним о разрыве не сообщали, делали вид, что все в порядке. Получение новой квартиры, путевки на море, продвижение по службе и много чего еще зависело от морального облика человека. Мне трудно представить, что какой-то мужчина посмотрел на Анелию как на женщину. Но я рассуждаю с позиции ребенка, которому Орехова с энтузиазмом ставила колы. Интересно, почему Вера сменила фамилию, но оставила отчество? Если она задела обиду на отца, то должна была стать Ореховой.

– Вера получила десятилетнее образование, – прервал меня Николаша. – Но есть нюанс. Девочка – инвалид. Она училась в так называемой «лесной школе». Что за болезнь у нее,

я пока не выяснил. Вера получила паспорт на фамилию Марамамакина. Недуг не помешал ей поступить в институт, выучиться на редактора и работать в военном издательстве. За муж Вера вышла за генерала, переехала жить к нему, супруг был значительно старше ее. После его кончины Вера устроилась в архив и работала там до своей смерти от инфаркта. Единственный странный шаг с ее стороны – смена фамилии за пару лет до смерти. Анелия Орехова умерла в июле, а в сентябре ее дочь стала Арамакиной.

– Марамамакина – Арамакина, она просто убрала часть отцовской фамилии, – вздохнула я. – Знаешь, Николаша, будь Анелия жива, я не согласилась бы ехать к ней ни за какие коврижки.

– А и не надо! Сходи к законной жене Ивана, – тут же предложил Махонин, – это Людмила Павловна Будкина. Живет она в паре шагов от тебя, на соседней улице, за пять минут ты легко дойдешь. Дом называется «Лебединое озеро».

– Знаю, – обрадовалась я, – это многоэтажная башня за забором. Сквозь него видно, какая у них красивая детская площадка. Киса очень хотела там играть. Но жильцы запрещают пускать посторонних. Горки, качели и все прочее только для местных ребят и для тех, кого приглашают их родители. А почему Людмила Будкина? Муж-то у нее Марамамакин?

– После смерти Ивана Алексеевича вдова вернула себе девичью фамилию, – объяснил Николай.

– Какая-то странная чехарда, – пробормотала я. – Вера тоже сменила фамилию.

– Я договорился с Людмилой, – сообщил Махонин, – позвонил ей до того, как соединился с тобой. Просто подумал: если муж признал девочку от любовницы, то жена точно знает о существовании незаконнорожденной. И какие чувства к Арамакиной она испытывает?

Забыв, что Махонин меня не видит, я кивнула:

– Возможно, добрые, но скорее всего не очень.

– Значит, она расскажет про Веру все, что знает! Без прикрас! Ой! – воскликнул Николаша.

– Очки опять разбил? – спросила я.

– Нет, раздавил, – расстроился мой собеседник. – Одна пара упала, а я не заметил, решил на стуле до подоконника доехать и прокатился по оправе. Капец ей!

– У Энтина для тебя всегда есть набор вторых глаз, – напомнила я. – Мой тебе дружеский совет: хоть раз в месяц передвигайся по комнате на ногах. А то они отсохнут за ненадобностью. Во сколько мне завтра надо прийти к Людмиле?

– В восемь! Утра!

– Ты уверен? – удивилась я.

– Да. Она так сказала!

– Ну ладно, – согласилась я, – заведу будильник на шесть тридцать.

– Зачем вставать в такую рань? – спросил Махонин. – Полвосьмого поднимешься, не опоздаешь. Идти тебе пять минут

черепашьям шагом.

– Надо умыться, причесаться, одеться, наложить макияж, позавтракать, – перечислила я, – за тридцать минут я не успею.

– Как у вас все сложно, – хмыкнул Коля, – хорошо, что я родился не женщиной! Сплошное неудобство и трата времени на всякую ерунду.

– Ой, мама! – закричала Роза Леопольдовна. – О господи!

– Все, пока. До встречи завтра в офисе, – скороговоркой выпалила я и помчалась в коридор.

Краузе была в гостевом санузле, который превратился в фабрику по производству косметики. Кроме няни там оказался Макс, он успел вернуться домой, пока я говорила с Махониным. Муж стоял спиной к двери и молчал. А Роза заламывала руки и твердила:

– Ну... ну... ну...

– Что случилось? – спросила я.

Вульф повернулся ко мне:

– Привет. Как это тебе?

– Что? – не поняла я.

– Не видишь? – рассмеялся супруг.

– Куда смотреть надо? – уточнила я.

– Смотреть в глаза, – рявкнул Макс и рассмеялся. – Фразочка из старых кинофильмов и современных дурных сериалов. Но в этом случае она очень даже актуальна.

Я уставилась на Вульфа.

– Ну? – спросил муж.

– Зачем, зачем, зачем... – простила Краузе, – ну, зачем?

– Лампудель, ответь, – попросил Вульф. – Как я выгляжу?

– Обычно, – ответила я.

– Да? – уточнил супруг. – Ты уверена? Я не похорошел?

– Ты всегда прекрасно выглядишь, – сказала я.

– Я в противогазе, – расхохотался муж.

– Его на тебе нет, – удивилась я.

– Просто я вспомнил старый анекдот, – проговорил сквозь смех Вульф. – Пришел мужик с работы, женушка его в прихожей встречает, спрашивает: «Как я тебе?» Он в затылке почесал: «Платье новое?» – «Нет». – «Волосы покрасила?» – «Нет!» – «Губная помада другая?» – «Нет!» – «Так что изменилось-то?» – «Я в противогазе перед тобой стою».

Макс опять расхохотался.

– На его лоб посмотрите, – прошептала Краузе. – Над глазами что?

– Ничего, – ответила я. – А что там должно быть?

– Я в противогазе, – пропел Вульф.

– Брови! – выкрикнула Краузе. – Роскошные такие, соболячьи! Черные. Где они?

– Нету! – подпрыгнула я. – Макс! Что ты сделал со своим лицом?

Глава одиннадцатая

– Ужас! – запаниковала Краузе. – Катастрофа.

– А по-моему, нет проблем, – заявил Макс, – никто и не заметит. Лампа-то не заметила.

Роза начала всхлипывать.

– Жена просто к вам привыкла. Она вас не разглядывает.

– Хорошее замечание, – согласился мой супруг, – я тоже полагаю, что примерно через год после свадьбы женщины перестают разглядывать светлый лик своего спутника жизни. Роза верно заметила.

– Неправда, – возразила я.

– Ты сказала, что у меня лицо такое, как обычно, – напомнил Вульф.

– Ну... э... я имела в виду, что на нем отсутствуют раны, порезы, – начала я выкручиваться, – нет родимых пятен, не выросли борода, усы...

– Не пропали брови, – подхватил Макс.

– Не пропали брови, – машинально повторила я. – Ой! Ты меня нарочно запутал. Куда они подевались?

– Мои роскошные брови? – уточнил муж. – Те, которые Роза пару минут назад охарактеризовала как соболячьи?

– Соболиные, – вздохнула я. – Где они?

– Сам не знаю, – весело ответил Вульф. – Я только что вернулся, после тренировки очень есть хотел. Поленился ид-

ти мыть руки в свою ванную, зарулил в гостевую. На раковине стоит банка, а мыла нет. Я решил, что купили какое-то новое средство, взял немного, ополоснул ручонки, умылся, вытерся. И тут влетает Краузе! Увидела меня и давай причитать: «Брови! Брови! Брови!» Сначала я не понял, что с ней.

– Макс сказал: «Роза Леопольдовна, не переживайте, ваши брови на месте. Если считаете, что они редкие, то можно к ним ваши усы подсадить». У меня нет усов!!! И никогда не было! – выпалила няня.

– Конечно, – заявил Вульф, – я просто пошутил, как всегда, глупо. Кто-нибудь может объяснить, что за мыло в баночке? Если оно в секунду удаляет растительность с лица, его многие с руками оторвут. Умоляю, не прячьте его! Завтра утром воспользуюсь им вместо бритья. Вдруг оно сработает?

– В банке питательная разглаживающая маска, – просто-нала няня.

Муж пощупал кожу над глазами.

– Точно. Просто как утюгом тут поработали!

– Где то, чем ты воспользовался? – осведомилась я.

Макс показал на раковину:

– Вот.

Я взяла пластмассовую банку и повернулась к Розе Леопольдовне:

– Что в ней?

– Паста для ароматизации геля, – всхлипнула Краузе, – им умываться надо. Бережно очищает лицо.

– От бровей, – добавил Вульф.

– Надеюсь, вы не это средство подарили Алине, – вздохнула я.

– Нет, нет, нет, – затрясла головой Краузе, – я хотела мыльце только на пробу сделать. И вообще из этой баночки надо брать всего один грамм, он придаст нежный аромат литру геля.

Я воспряла духом.

– Прекрасная новость. Алина в безопасности.

– А что Максу делать? – разрыдалась няня.

– Эй, эй, прекрати немедленно, – испугался Вульф, – ничего страшного. Брови вырастут!

– А вдруг нет? – запричитала Роза. – Что тогда?

– Ничего, – спокойно ответил мой муж, – проживу без них.

– Ужас, – заломила руки Краузе.

– Никто и не заметит, что у меня на лице чего-то не хватает, – сказал Вульф.

– О, горе, – стонала Краузе.

Макс вынул из кармана телефон.

– Проведем эксперимент. Видеозвонок. Вовка, ты здесь?

На экране айфона появилось изображение Костина.

– Что случилось?

– Ничего, просто я соскучился, – с самым серьезным видом заявил Макс. – Мы тут поспорили, ответишь ты на вопрос или нет.

– Делать вам больше нечего, – зевнул Костин, – говори быстрее, пельмени булькают!

– Вы их едите на ночь? – удивилась Краузе.

– Почему нет? – хмыкнул Володя. – Жена в командировке, домработница домой уехала. Я купил себе упаковку. Думал, наверну их сейчас с майонезом, горчицей, уксусом, перцем. А тут вы!

– С майонезом, горчицей, уксусом, перцем? – в ужасе повторила Краузе. – Так нельзя!

– Кто сказал? – осведомился Володя. – Еще кетчуп туда хорошо бы добавить, да он закончился. Я пошел хрен искать, а тут вы.

– И хрен в придачу! – закатила глаза няня.

– Роза, ты попробуй пельмешата с моим соусом, – посоветовал Костин, – ингредиенты я уже назвал. Все смешай, вылей в тарелку и лопай с удовольствием. Макс!

– Я здесь, – ответил мой муж.

– Вижу тебя, задавай свой вопрос.

– Я тебе нравлюсь? – сдавленным голосом спросил Вульф. Костин замер, потом почесал нос.

– В смысле?

– Смысла в моем вопросе ноль, – усмехнулся Вульф, – просто ответ. Я тебе сейчас нравлюсь? Честно!

– Честно? – переспросил Костин. – Сейчас нет.

– И почему? – осведомился Макс.

– Я хочу пожрать, а ты с глупостями пристаешь!

– Задам другой вопрос, – сказал Макс. – Находишь ли ты во мне какие-то изменения?

– Да! – рявкнул Володя. – У тебя определенно что-то с головой случилось.

– Отлично, – обрадовался мой супруг, – уточни, что именно с ней не так.

– За все время, что мы друг друга знаем, ты впервые пристал ко мне с какой-то фигней, – возмутился Костин. – Лампа, ты здесь?

– Конечно, – откликнулась я. – Где ж мне поздним вечером находиться?

– Что с Максом? Какая муха его укусила? – зашумел наш друг.

Я встала так, чтобы Володя меня видел.

– Посмотри на Макса.

– Давно уже на него любуюсь, – разозлился Костин, – а пельмени кипят и...

Я не дала ему договорить:

– Что у него с лицом?

– У Макса? – уточнил Вова.

– Да, – хором ответили мы все.

– Ничего, – пробурчал Костин.

– Приглядишься, – потребовала я.

– Вульф как Вульф, – забубнили из телефона. – Да в чем дело?

– У меня усы, – подсказал Макс.

Я захихикала, Роза Леопольдовна ойкнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.